

Человек европейской культуры
(тезисы доклада на семинаре 14 мая 2014 г.)

1. Метафору *cultura animi* (возделывание души) придумал Цицерон (*Tusc.* 2, 1, 13). Человек в своей человечности (*humanitas*) подлежит возвращению, культивированию. Для Цицерона это возвращение человечности человека происходит в философии. Понимание философии как заботы о душе восходит к *παίδεια* Платона (см. «Протагор»). Практика философствования находится здесь между сократической критикой (близкой к софистике), открывающей незнание в средоточии человека, и платоновской «софией», – наброске пайдеватической (культивирующей) архитектоники человеческой жизни – проект «Государства». Таковы два полюса культуры:

(1) практика возвращения человека как определенной идейной «природы» (*humanitas*) – эллинской, римской, христианской, просвещенской, научно-технической... – и –

(2) практика мысли, открывающей радикальное незнание в средоточии *humanitas*, иначе говоря, неопределенность «природы», озадаченность ею. Человеческое бытие обуславливается событием само-истолкования и само-определения в самой самости. – Человек европейской культуры разно-культурен, разно-природен, он создается не общностью рода, традиции, культа, а практикой мысли, озадачивающей(ся) и возвращающей(ся) к самому событию первоначинания.

Никакого европейского «гуманизма» вообще не существует, но есть человек, озадаченный своей человечностью. Не существует никакого европейского «рационализма» вообще, а существует философия, спрашивающая, что значит мыслить, знать, – как возможен «чистый разум», что первичнее, начальнее его априорной архитектоники?

2. Европа это разнородное – разноэтническое, разноязыкое, разноконфессиональное, разнокультурное – существо. Это не просто разобщенный агрегат народов, событий, эпох, связанный только территорией или пустыми абстракциями «общих ценностей». Европа сообщена себе и существует как культура. Европейская культура – культура общения разных (локальных и эпохальных) культур. На границах, во встречах, переходах, промежутках, в освоениях и размежеваниях формируется и осознает себя этот субъект – Европа.

Европейская культура не автохтонна, а среди-земна, ее эпохи не этапы становления (прогресса, развития), а соучастники, возрождающиеся со-временники, – она среди-временна. Бытие европейской культуры всегда бытие в «кризисе», то есть в решающей *критике*: в расколах и самоопределениях, в расхождении и собираниях – в *суде* с другими, со своими, с самими собой... Европейская культура культивирует человека на суде с самим собой о своей человечности, о способе своего бытия-в-мире, о смысле божественности, – иначе говоря, культивирует человека радикально философствующего.

Человек европейской культуры – это человек, ищущий самого себя (*ἄνθρωπος αὐτόν διζήμενος*, *homo se querens*).

3. Кризис (решающий суд) современности определяется положением человека в глобальном и мультикультурном мире. Радикальность кризиса может быть осознана, если понять его как внутренний: человек открывает своего рода мультикультурность собственного видения, слышания, воображения, мышления, – собственной экзистенции. Но именно таков

человек европейской культуры.

Если взглянуть из ситуации современного мира на способ существования мира, именуемого Европой, можно не без удивления заметить, что именно такого рода события – периодически расширяющаяся *глобализация мультикультурной ойкумены* – с самого начала и создает это историческое «существо», европейскую культуру. Она возникает и живет не в «народах», «культурах» и «временах», объединяемых этим именем, а в хронотопах встреч. Начиная с Греции, история Европы представляет собой ряд последовательных «глобализаций» ойкумены: империя Александра Македонского, двуглавая римская империя, римо-германский мир, сиро-арабо-испанский мир, завоевание Нового света... Способ бытия европейской культуры может быть образцом культурной глобализации: не европоцентризм некой особой «европейской» культуры, а открытие разнородного, разно-мирного мира самому себе и форма культивирования человека такого глобального и мультикультурного мира.

4. Намечу несколько значимых эпизодов культурной истории Европы как мира общения миров. Эти эпохальные эпизоды условно можно связать с определенными местами-перекрестками-средоточиями, где общение происходит как определенное событие. Помимо Афин V-IV века до н.э., это Александрия III в. до н.э.-II н.э., сирийская Антиохия, Рим и Византия, Кордовский халифат X-XIII веков, Флоренция XIII-XVI веков... «Переплавка», «синтез» – такими метафорами описывают обычно неведомые процессы, происходящие на таких перекрестках ойкумены, и странные их продукты. Теперь нам важно увидеть разность, скрытую в этих синтезах и не разрешаемую в них.

Вот, например, в александрийском «синтезе» происходит событие, в котором искомая «встреча культур» может быть детально исследована. Мы входим в недра культуры, «куда еще не ступала нога человека», как говорил О. Мандельштам.

В III веке до н. э. эллинизированные иудеи переводят Тору, а затем и другие книги Танаха («Ветхого завета») на греческий язык (Септуагинта). Две предельно различные по внутреннему складу (по «духу») культуры вступают в прямое общение. Перед нами запечатленный во плоти языка (но и запечатанный, скрытый в нем) след этого общения. Текст этот обширен, и можно попробовать еще точнее сфокусировать наше внимание, выбрав из него малую часть, но такую, в которой, возможно, сосредоточена смысловая суть дела. (Мы разберем перевод важнейшего текста – самоименование Бога (Исх. 3, 14)).

5. Встреча иудаизма с эллинизмом, запечатленная в скрытом двуязычии Септуагинты, делает неустраимо диалогичным слово Библии, раздваивает понимающий слух. Соответствующая метаморфоза умо-зрения происходит в иконе: эйдетическое умозрение эллинов, увековеченный «живой лик» (не видимый – умом – эйдос, а видящее око) египетской маски, психологизированная индивидуальность римского портрета (Фаюм) (единичный, частный человек) – образуют сложную оптику, формирующую разные «очи души», не сводимые к одной «точке зрения».

Александрия это место первой христианской школы, известной именами Климента и Оригена. Здесь были «синтезированы» Афины и Иерусалим, греческая философия и иудейский Закон, истолкованные как два пути, два детоводительства ко Христу. Но греческий *логос* («отношение»), *логос* Евангелия от Иоанна, и *давар* Торы – это различные, несинтезируемые «слова», таящие в себе озадачивающий диалог.